

1.

Каждое воскресенье ближе к обеду Николай Александрович Парфенов ходил в церковь, расположенную в глубине соснового парка. Парк был разбит в советское время на пустыре между рекой и строящимся новым микрорайоном к очередному дню рождения вождя пролетариата.

Храм возвели значительно позже, когда уже была другая страна и не отмечали именины организатора революции. Парфенов, будучи пионером, с одноклассниками принимал непосредственное участие в закладке парка. Директор школы вместе с учителем биологии определяли место посадки, их решения до школьников, столбя пальцем, доводил физрук, громко выкрикивая: «Садить здесь!» Девочки подносили молодые деревца, привезенные с лесхоза, а они с мальчишками готовили ямки и закапывали. Обстановка была торжественная, никто не сомневался в грандиозности и нужности происходящего. Для полноты гармонии только не хватало патриотичной музыки, зовущей на трудовые подвиги. Не захватившие советский период жизни сути этого события не поймут. «Посадили деревья, сделали хорошее дело. И все»,— скажут представители нынешнего молодого поколения. Для того времени соль была не в закладке парка, а в проведении мероприятия в честь

очередной годовщины вождя пролетариата. Это уже совсем другой колленкор.

Сосенки прижились, и за эти десятки лет выросли на много метров в высоту. Перемены произошли не только с посаженными деревцами. Как-то Николай Александрович, будучи в гостях у дочери, смотрел телевизор, с ним в комнате находилась внучка — четырнадцатилетняя девочка. Шла передача о первых годах Советской власти. Показывали немое кино. Ленин и его соратники позировали внутри Кремля. Новые хозяева страны двигались из стороны в сторону и перекидывались репликами. На экране это выглядело гротескно, как и все киносьемки того времени. Парфенов, ожидая получить непременно правильный ответ, спросил у внучки: «Знаешь, кто это?» Та, оторвавшись от смартфона, внимательно взглянув в сторону телевизора, немного задумалась и произнесла: «Чарли Чаплин». Николай Александрович окинув взором сверху донизу знатока истории, понял, что родное чадо не шутит. Чуть больше двадцати лет назад узнаваемость Владимира Ульянова (Ленина) в данной стране среди всех категорий жителей была стопроцентная. Все происходит тихо, незаметно, мы ловим только моменты. Бац! — присмотрелись и деревья большие. Бац! — выражаясь современным языком — и общество переформатировалось.

Выше сосен возвышались позолоченные купола храма, ярко горящие в любую погоду. Специально проложенных тропинок в парке не было, кроме центральной заасфальтированной дороги к церкви. Народ направление движения между сосен выбирал — куда глаза глядят. Николай Александрович ориентировался на излучающий свет маковки куполов. Деревья стали большие, и корни выступили из-под земли, как вены на натруженных руках. Парфенову казалось, что корни — живые, чувствуют поступь и толкают его вперед. Особенно он с удовольствием шел по парку после дождя, когда испарения поднимались от земли, и пахло перепревшими иголками и сырым песком.

В городке действовало пять православных и одна католическая церковь, еще несколько молитвенных домов, где приверженцы Христа, поклонялись одному и тому же Богу, но каждый по своим канонам. Парфенов проторил дорогу в православный храм в сосновом парке, не самый большой и не самый раскрученный. Поэтому немодный среди местных прихожан, если такое определение приемлемо для культовых заведений. Около паперти он снимал головной убор, читал «Отче наш», крестился троекратно, кланялся и поднимался по ступеням к дверям. В это время дня в церкви почти не было посетителей — три-пять человек не более. В основном заказывали службу по усопшим, подробно расспрашивая у женщины, на входе торгующей церковной утварью, как себя вести в церкви. Парфенов покупал пять свечей среднего размера, по количеству круглых подсвечников в храме, на которые полагалось ставить свечи с просьбами о живых; раз в сорок дней заказывал за здоровье себе, жене, внучке, дочери, отцу и матери. Слава Богу! Они все были живы. Подавал тысячу рублей, а сдачу жертвовал на храм. Потом неспешно молился перед образами каждого святого, читая молитвы, тексты которых для удобства прихожан располагались рядом с иконами. Просил здоровья себе и близким, а также оградить от неприятностей и преждевременной смерти. Если подводило зрение и не удавалось разглядеть текст молитвы, то обращался своими словами и был уверен, что он услышан. Перед тем, как уйти, на выходе молился в сторону иконостаса, читая про себя «Отче наш». На улице, спустившись вниз по ступенькам, опять читал «Отче наш», троекратно крестился, кланялся, надевал головной убор и шел восвояси.

Такого распорядка он придерживался уже три года. А все началось перед днем рождения. Накануне того, как Парфенову исполнилось пятьдесят пять лет, он побывал у хирурга и удалил неожиданно потемневшую родинку на плече. Он и забыл про это, справил юбилей и даже просрочил несколько дней позвонить насчет анализа. Хотя ему загодя было предзнаменование, но он не придал ему никакого значения. За две недели до операции приснился сон, в котором он, отец и мать находятся где-то, вокруг нет никаких предметов, и кто-то, кого они не видят, сообщает, что ему вскоре придется умереть. Все так явно. Николая Александровича во сне охватывает отчаяние. Он умоляет, но не словами, а мыслями, чтобы ему дали еще пожить. Тот неведомый после небольшой паузы соглашается и сообщает свой вердикт: Парфенов проживет восемьдесят два года. Если бы ничего не случилось, то этот сон со временем стерся из памяти, как множество других сновидений, не отразившихся на реальной жизни.

Когда Николай Александрович набрал телефон больницы, то был уверен, что все хорошо, и относился к звонку, как к простой формальности. В трубке услышал: «Подъезжайте, вам надо переговорить с доктором». В больницу летел, поняв, что у него самое страшное — рак. Врач объявил диагноз:

— Меланомы. Мы вам часть вырезали, но, судя по анализу, не полностью захватили пораженный участок. Необходима повторная операция и возможно дальнейшее лечение. Все зависит от того, как глубоко болезнь проникла в организм.

— У меня есть шансы выжить? — спросил Парфенов.

Хирург пожал плечами, что совсем не придало оптимизма Николаю Александровичу. Врач выписал направление в областной онкологический диспансер со словами, наверно полагая, что это как-то успокоит больного: «Вас много таких», и проводил сочувствующим взглядом.

2.

Жизнь в один миг резко разделилась на до и после этого дня. Планы на будущее рухнули. Земные блага утратили смысл. Теперь все помыслы были направлены, чтобы только выжить. Николай Александрович в Интернете прочитал: «Средний срок жизни больных при меланоме восемь месяцев». Будучи школьником, он смотрел телевизионный спектакль, где герои обсуждали, чтобы они делали, если бы им остался год жизни.

События происходили в капиталистической стране, так как ни одному драматургу не могло прийти в голову вложить такие речи в уста советских граждан. Может быть, Парфенов не до конца уловил зерно действия, но в памяти отложились намерения героев сбросить с себя все табу.

Один из персонажей планировал ограбить банк и с деньгами уехать на Лазурный берег, и год не вылезать из воды. Николай хорошо представлял такое блаженство — теплое море и никто не требует немедленно выйти на берег, ни мама, ни пионервожатая, это как без спроса пойти купаться на речку. Родители на работе и думают, что сын читает книжки из списка для обязательного летнего чтения, а он плескается до посинения в местном водоеме. Когда совсем замерзнет, вылезет из воды, ляжет на песок, закроет глаза и будет отогреваться на солнышке. Ни мама, ни папа не позвонят с проверкой, еще тогда не было сотовой связи. Да и обычные телефоны в то время редко у кого встречались в квартирах. А вечером его, опрятного, чуть ли не с повязанным пионерским галстуком, увидят родители за письменным столом, читающим книгу. Подойдет мама и потреплет его выгоревший от солнца чуб, и скажет: «Молодец ты у меня». Зачем только этот господин планировал грабить банк? Николай так и не понял.

Другой персонаж собирался остаток жизни провести в баре, не думая ни о чем, употребляя виски. Виски Николаю представлялось божественным нектаром, ассоциирующимся одновременно с персиковым соком, сидром и крем-содой, лишь значительно вкуснее. Через много лет, когда в наших магазинах кроме водки «Русской», трехзвездочного коньяка и «Агдама» появится другой алкоголь, Николай Александрович попробует виски. Данный напиток окажется похожим на закрашенный самогон, с божественным нектаром его объединяла только цена. Вот этому господину надо было планировать грабить банк, а не любителю водных процедур.

Третья героиня в полете фантазии решит отказаться от диеты и неограниченно кушать пирожное, мороженое, жаренную и жирную пищу до самой смерти. Парфеновы жарили картошку на сале почти каждый день, мороженое Николай ел по выходным, а пирожные по праздникам. Он не мог понять, что мешает героям спектакля начать все это делать сейчас, не дожидаясь смертного приговора. На уроках литературы им рассказывали по каким канонам и для чего создаются художественные произведения. Поэтому это все воспринималось несерьезно, как игра.

Другая постановка, увиденная Николаем Александровичем в зрелые годы, будучи в командировке в Москве, в одном из модных театров. Физик-ядерщик в ходе эксперимента получает большую дозу облучения и, узнав, что ему осталось жить меньше года, имея возможность пройти лечение и прожить еще, как минимум полтора десятка лет, при условии оставить свою работу, выбирает закончить изыскания ценою своей жизни. И эта история не была особо серьезно воспринята Парфеновым. В его голове не укладывалось, для чего такая жертва? Своим научным трудом он не спас Мир или даже одного человека. А преждевременным уходом из жизни он причинил боль и страдания своим близким.

На историю, оказавшую действительно впечатление насчет долга и самопожертвования, Николай Александрович наткнулся в Интернете. Хотя, может быть, она тоже выдумана, но рассказ тронул. У маленького мальчика заболела сестра, которая была еще младше его, и ей срочно необходимо было сделать прямое переливание крови. Мальчику задали вопрос, может ли он дать свою кровь сестренке. Тот не колеблясь, согласился и, зажмурив глаза, лег на кушетку рядом с ней. После окончания процедуры мальчик, застыв в напряжении, продолжал лежать с закрытыми глазами. Когда его растолкали и сказали, что все закончилось, он с удивлением спросил: «Я не умер?»

Будучи зрителем или читателем можно сколько угодно с умным видом рассуждать о происходящем с другими. Это просто тебя не касается. Свой сценарий жизни рисуется безоблачным, успешным во всем и всегда с продолжением. Конец очень далеко. В любом возрасте физическая форма отличная, с небольшими перерывами на простуду, если женщина, то еще и красива. Так свое будущее видел и Парфенов. И предпосылки на это имелись. Родители еще живы и в преклонном возрасте, что говорило о благоприятном генном факторе. Бережет здоровье, не курит, выпивает редко и в небольших дозах, питается правильно. Целенаправленно загорал лишь в детстве и юности, солярием никогда не пользовался. Профессиональная деятельность не связана с вредными условиями. Всю жизнь отработал в городской администрации в отделе капитального строительства, последние двадцать пять лет возглавляя его. Получается, жилья не рвал, самое большое нервное потрясение в жизни — это когда ему на третьем курсе института девушка, с которой он до этого общался минут сорок, сообщила, что она беременна от него. То есть все, что сейчас с ним произошло, было за то, что этого не должно произойти.

3.

На третьем курсе Новый год Парфенов отмечал в общежитии. Обычно на выходные дни и праздники он уезжал домой. Дорога была недолгой, всего час двадцать езды на электричке. 31 декабря они не учились, он с утра еще был дома, а вечером специально приехал в альма-матер на торжество. Гуляли в комнате у одного из однокурсников сугубо мужской компанией. После боя курантов все высыпали в коридор, туда хлынули празднующие из других номеров. Организовались танцы. Музыка, девочки, конфетти, бенгальские огни, хлопушки. Было весело.

Комната Парфенова находилась в конце коридора. Сожители Николая все разъехались по домам. В голове у него созрел план. Он открыл замок и прикрыл дверь, а сам пошел танцевать. В кружении танца с парт-

нершей он докрутился до двери своей каморки, шаг в сторону, и они оказались внутри. «Ух, ты!» — удивленно произнесла она. Николай, крепче прижав ее к себе, пояснил: «Здесь я живу». Парфенов полез целоваться, она не сопротивлялась, даже проявляла при этом больше страсти, чем он. Девочка оказалась пришлой, кто-то из местных пригласил ее в гости. Повалились на койку. Для него все было впервые, для нее, по косвенным признакам, это было уже не в диковинку. Койка стала издавать сильный скрип, но его заглушала звучащая отовсюду музыка и радостные крики встречающих Новый год. Движения Николая походили на действия дилетанта, собирающего по инструкции новую мебель, много ненужной суеты, а источник знаний — это рассказы старших товарищей и прочитанный самиздат на эту тему. Он не получал удовольствие, а мучился, стараясь не оплошать и как можно дольше растягивая процесс. Николай слышал, чем больше времени продлится это дело, тем лучше. Интернета не было, информация скудная, все по наитию. По окончании всего он отвалился в сторону, наслаждаясь, что получилось, а не от того, как было. Что дальше делать — об этом Николай нигде не читал и никто ему не рассказывал. Воцарилась пауза. Он ничего лучшего не смог придумать, как сказать:

— Что, будем одеваться?

— Ага,— ответила она.

После этого они вернулись каждый в свою компанию.

Миновали короткие зимние каникулы. В начале нового семестра Парфенов, возвращаясь из института, встретил ее. Она стояла недалеко от входа в общежитие. На ней было драповое пальто с воротником из лисы и вязаная шапочка, лицо бледное и почти без косметики. Схожесть этой девушки и той, с Нового года, была не более чем людей с одинаковыми чертами лица. Та выглядела ярко, уверенная в себе, эта с внешностью серой мышки, кроткая, переминаясь с ноги на ногу, ожидала его около студенческого пристанища. Он так бы и прошел мимо, если она не окликнула.

— Я беременна,— сходу сообщила она.

— От кого? — спросил он.

— От Пола Маккартни. В Англию на этот Новый год летала, вот и залетела.

— И что надо делать? — совсем уже нелепый вопрос задал он.

— Под венец иди нам с тобой или мне делать аборт.

Кровь прихлынула к голове Николая, лицо покраснело и превратилось в застывшую маску.

— Чувствую, ты сейчас упадешь в обморок,— прервав, сложившуюся паузу, произнесла она. Порывшись в своей сумочке, она достала ручку и, вырвав листок из блокнота, стала писать и одновременно говорить:

— Это мой домашний телефон и адрес. Захочешь, найдешь.

Она, не попрощавшись, пошла прочь. Он остался стоять, сжимая в кулаке ее записку.

В ближайший выходной, будучи дома, Николай поделился произошедшим с матерью. На его удивление, она не стала его ругать, во всем обвинив беременную девушку. «Тебе надо думать, как институт закончить. А этой шалаве замуж невтерпеж. Ты уверен, что это твой ребенок?» — не дав ему ответить, мать продолжила: «Она может за последний месяц у десятка парней в постели побывала». Парфенов не был ни в чем уверен, он чувствовал за собой вину, и ему показалось, что она — неплохой человек. На этом все и закончилось.

Через некоторое время Николаю приснился сон. Плачет маленький мальчик, похоже, только недавно научившийся стоять, так как его покачивало из стороны в сторону. Ребенка уже кто-то успокаивал, но безуспешно. Подошел Николай, погладил мальчика по голове, тот перестал плакать, что оказалось для Николая неожиданным. Ребенок прижался к его ноге, обхватив ее двумя ручками, рост мальчика был чуть выше колени. Николай догадался, что это его ребенок. Проснувшись, он понял, что она сделала аборт, что был мальчик, его душа страдала, он виноват перед ним, но ребенок простил его. Парфенов долго переживал о загубленной жизни, даже плакал. В двадцать лет все видится в крайнем свете, одни вещи, думаешь, будут многократно повторяться, хотя это выпадает один раз в жизни, другие события расцениваешь, как единственную возможность, а это всего лишь один из вариантов.

Николай окончил строительный институт, отслужил в армии, вернулся домой, устроился работать. Встречался с девушками. Проживающих с родителями, как и он, водил в кино на последний сеанс, в завершении вечера обнимал в парке в самом темном месте. У одной из девушек по имени Оля была своя квартира, доставшаяся от мамы с папой, те в свою очередь переехали в частный дом, бывшее жилье родителей матери. У нее он часто оставался ночевать, шел к ней, даже до этого побывав в кино совершенно с другой девицей. Такая ситуация его заводила. Энергии было много, и расходовал он ее самозабвенно на женский пол. Хотелось попробовать худенькую и пышечку, светлую и чернявую, невысокого роста и размером с каланчу. Чтобы, как в институте, не попасть в неловкую ситуацию, он применял меры предосторожности. Но в отношениях с Олей он где-то не рассчитал или она хорошо спланировала.

До беседы с дедушкой своего намечающегося ребенка Николай морально не был готов стать папой, тот его переубедил. Будущий тесть на заводе плел стальные канаты, руки — бревна, а пальцы натурально — анкерные болты. Еще на согласие оказала действие ранее рассказанная Олей семейная тайна, как ее прадедушка по линии отца со своим братом лишил жизни мужа родной сестры за то, что он увел у них лошадь цыганам. Дело было до революции. Сибирь, времена тяжелые, люди суровые и мораль соответствующая. Кругом бескрайние просторы, край нелюдимый, лесов и водоемов много, под какой сосной закопали или в какой с камнем на шее омут опустили родственника, иди, ищи — свищи. Тело, конечно, не нашли, да и никто особо

и не искал, до ближайшего полицейского участка более ста верст, братья пустили слух, мол, пошел родственничек собирать клюкву и утоп в болоте. Приехавший следователь подхватил эту версию, с такой формулировкой дело и закрыл. Дитя, оставшееся без отца, братья подняли на ноги, так во всяком случаи сообщается семейная сага. Узнал ли ребенок правду, и что с ним дальше произошло, история умалчивает.

Намеченная свадьба так и не состоялась, накануне празднования у папы невесты случился инсульт. Врачи не дали умереть, он даже через год вернулся на завод, но уже троса не плел, а выполнял только нетяжелую слесарную работу. Николай перебрался к Ольге, через девять месяцев у них родилась дочь. Он теперь с нетерпением ждал окончания рабочего дня и буквально бежал домой. Готов был зацеловать дочурку, жадно вдыхая аромат ее тела. Где-то он прочитал, что дети пахнут раем. Запах был ни с чем несравнимый, им нельзя было надыхаться, от него наступало умиротворение и спокойствие. В жизни нежданно-негаданно все упорядочилось. Николай не мыслил другой себе судьбы, каждую свободную минуту уделяя ребенку, тряс погремушки перед ней и разговаривал, болтая всякую несурзаицу. Ему казалось, что дочь, вылитая он, потом вроде больше похожа на Ольгу, иногда и тещины черты угадывались. Вот с характером он сразу определился — копия его мамы, громкоголосая и настойчивая в своих желаниях. В любом случае она — частичка его плоти и духа.

Прошли годы, у Николая Александровича была уже внучка, мать завела с ним неожиданно разговор:

— Коля, мне последнее время сны снятся, все к тому, что у меня есть внук.

— Откуда ему взяться, мама?

— А та девочка, когда ты учился в институте, она родила?

— Не думаю.

— А ты узнай. А то ночью одно и то же повторяется, я маленького мальчика за руку веду, и он меня бабушкой называет.

Парфенов и сам мечтал о мальчике. Со вторым ребенком не получилось, у Ольги возникли проблемы со здоровьем. Думал, у дочери будет сын, а ему внук. Судьба уготовила внучку. Далее семейная жизнь у дочери не сложилась. Он, конечно, был рад ребенку, но хотелось внука. Николай Александрович представлял, как он с мальчуганом будет играть летом в футбол, а зимой поставит его на коньки и сделает это, как только тот научится ходить, а потом отдаст в хоккейную секцию. Еще будут они вместе с ним удить рыбу, и он посвятит его во все премудрости рыбацкого дела. То есть свои мечты, не исполненные в детстве, и нынешние пристрастия, Парфенов собирался воплотить в своем продолжении. Не девочке же удить рыбу и гонять шайбу! Мамин сон? Может, действительно та девочка из прошлого не стала делать аборт и у него есть сын. Но тот листок с адресом давно утерян, и он уже никогда не узнает правды. А может, срок земной жизни матери истекает, и душа мальчика приходила за своей бабушкой?

4.

Теперь все мысли — неужели это случилось со мной? Отчаяние и страх. Страх до такой степени, что все-го потряхивает. Чтобы как-то заглушить переживания, помогает только деятельность. Примерно так же, как пловец оказался далеко от берега, и поднялась волна, чтобы выплыть, надо просто плыть и бороться со стихией, надеясь, что силы преждевременно не покинут тебя. А если не будешь сопротивляться, то страх ментально скует волку, и ты пойдешь ко дну.

День проходил в заботах. Парфенов суетился, барахтался в проблемах, все, предпринимая, чтобы найти путь к выздоровлению. Время работало против него, каждая минута ничегонеделания приближала его к смерти. Днем он пытался убежать от старухи с косой и от своих мрачных мыслей. К ночи мрачные мысли настигали его и наваливались невыносимым грузом. Спать ложился, инстинктивно съживившись и свернувшись калачиком, тем самым пытаясь оказаться в защитном панцире. Все тело знобило от страха, погружался в сон только после того, как сознание было полностью измочалено и не было больше сил бодрствовать. О его диагнозе знала только жена, и ей было строго настроено наказано об этом никому не рассказывать. Не хотелось лишних пересудов.

Ольга лежала рядом, тоже не могла уснуть, думая о своем. Парфенов чувствовал, что она хочет завести разговор, но не находит слов. Ему была знакома такая ситуация. При беседе с людьми, чей век предрешен неизлечимой болезнью, Николай Александрович сам всегда испытывал неудобства. Он вообще старался избегать с ними разговоров. Как помочь человеку — неизвестно, о чем говорить — непонятно. А бывает, кто-то из обреченных озлобляется, вина во всех своих несчастьях окружающих, сжигая последние жизненные силы в костре ненависти, тем самым лишая себя пусть маленького, но шанса на выздоровление, таким и никакая поддержка уже не поможет.

— Коля, завтра воскресенье, может, сходим в церковь, отстоим службу, и ты исповедуешься? — наконец начала разговор Ольга.

— Хорошо, — согласился Парфенов.

Чаще всего мы обращаемся к Богу, когда жизнь берет за горло. В такую передрыгу попал и Николай Александрович. Правда, это не первый его поход в храм, до этого он ходил в церковь, когда привозили мощи святого, имя которого он уже и забыл, в другой раз была выставлена чудодейственная икона, все шло, и он пошел, потом привозили мощи другого святого, он тоже отметил в церкви. Крестился в храме как-то украдкой, понимая, что надо, и боялся показаться перед окружающими неестественным.

Церковь выбрали самую большую и наиболее популярную среди жителей города. Она располагалась на холме, и видно ее было почти из любого места в округе. Николай с Ольгой опоздали к началу богослужения. На первом этаже было несколько посетителей, они самостоятельно молились около икон. Служба шла на втором этаже. Парфенов с Ольгой поднялись наверх и заняли свободное место. Для Николая все было в диковинку: и громкоголосое чтение молитв священником, и церковное пение, и сами люди, органично дополняющие обстановку в храме. Лица прихожан были простые, без всякой затаенной задней мысли. Не про всех людей в рясах он мог такое сказать, некоторые служители церкви вели себя с нарочитой чопорностью. Парфенов это расценил, что одни здесь находятся по долгу службы, а другие по духовному зову. Он следил за окружающими и повторял за ними все их действия. Теперь ему уже не казалось, что он крестится неестественно.

Недалеко от них стояла Надя Сизова, он не сразу признал ее в платке. Она никак не отреагировала на его присутствие. Еще два года назад она была его любовницей. Как-то Парфенов проездом зашел в маленький магазин на окраине города, таких заведений за последнее время расплодилось множество, торгующих самым необходимым от хлеба с солью до пива и спиртосодержащих напитков сомнительного качества. Продавщица была невысокого роста где-то лет на десять-пятнадцать младше его с девчачьей фигурой. Как она себя держала: взгляд, ужимки, внешний вид; Парфенов сделал вывод, что она не прочь на флирт. Лето, жара, хотелось пить, настроение несерьезное. Он сально пошутил, она в том же духе ответила. Николай Александрович приобрел бутылку воды и плитку шоколада. Шоколадку оставил ей и, снисходительно улыбнувшись, покинул торговый павильон. Через несколько дней заехал что-то купить, потом явился с цветами. Так у него завязались отношения с Надей.

Надя призналась, что она замужем, муж старше ее на двадцать три года, они давно не спят в одной постели. Где-то раз в две недели, иногда чаще, Парфенов подъезжал перед закрытием магазина, оставлял автомобиль в сторонке и заходил внутрь. После того, как выходил последний покупатель, Надя запирала двери, и они вдвоем оставались там еще некоторое время. Николай около трех лет регулярно посещал этот магазин. Отношения были удобные, ему не нужна была огласка, и она не афишировала их связь, пока в один из вечеров ее не оказалось в магазине. Николай спросил:

— Сегодня смена Нади, где она?

— У Нади горе, умер муж, — ответила напарница.

Парфенов около месяца не навещался в магазин. Когда он приехал, то не узнал Надю. Она сильно исхудала, лицо было серое и совсем другой взгляд. Разговора не получилось. Он еще раз приехал через несколько дней, теперь она могла говорить: «Понимаешь, я только после его смерти поняла, как он ко мне относился, как он меня сильно любил. Он исполнял все мои прихоти. Был на пенсии, но продолжал работать, по вечерам еще таксовал на своей машине. Когда сынишка был маленький и болел, мог всю ночь просидеть около его постели, а утром шел на работу. Последнее время он плохо себя чувствовал, я все не могла отправить его в больницу. Тут пришел с работы, поужинал, собрался ехать таксовать и упал в прихожей, обширный инфаркт. Дурой я была!» Парфенов пытался произнести слова утешения, но получилось нескладно. Он понял, что прежних отношений уже никогда не будет.

До Нади у Парфенова были еще три романа разные по сроку продолжительности. Дочь повзрослела, уже больше нуждалась в папиных деньгах, чем в папином внимании. Николай Александрович свои освободившиеся чувства стал тратить почему-то не на Ольгу, а на других женщин. В отличие от Нади те дамы были незамужние и абсолютно не соблюдали правил конспирации. Все пытались выставить отношения напоказ. Одна требовала обязательно ночевать у нее. Другая пассива устраивала истерики: «Почему я иду пешком, а ты в это время везешь Ольгу на автомобиле?» И он не знал, что сказать. Потом эта истеричка установила твердую таксу за каждую встречу. И он платил, но все равно расстались плохо. Парфенов был уверен, ни одна из его любовниц не всплакнет о нем, хотя он всем помогал материально и решал их проблемы. Дело в том, что Николай Александрович не исполнил их надежды. У него с ними не совпали цели. Он нужен был им в постоянное пользование, а они ему — во временное.

Любил ли он этих женщин? Однозначно — нет. И даже к Ольге у него всего лишь была привязанность и чувство долга, и эти обязательства перед матерью своего ребенка он навряд ли разменял бы даже на любовь. Виноват ли он перед этими женщинами? Однозначно — да. А влюблен Парфенов был по уши на пятом курсе в девушку со швейной фабрики. Познакомился он с ней в электричке. Конец сентября, пятница, Парфенов поздно вечером возвращался с института домой. По субботам на пятом курсе они не учились. На перроне почти не было народу, мимо него прошла яркая девушка, одетая по тем временам в очень модный плащ и полусапожки на высоком каблуке. Такие экземпляры красоток встречаются очень редко, она была не то что красивая, она была обворожительная. За всю свою жизнь Парфенов наткнулся еще на двух таких чаровниц и не более.

Одну видел в баре после защиты дипломного проекта. Они пили пиво с однокурсниками, и девушка была занята тем же делом в компании двух молодых людей. Пиво пенилось в кружках высокой шапкой, при питье, оставаясь белой полосой между губами и носом. Парни вытирали пену рукой, она это делала мило язычком. Товарищи Парфенова так же обратили на нее внимание, один из них произнес: «Такая баба и с такими урдами!» Николаю ее спутники тоже не очень приглянулись — надменные и одетые или с барахолки, или изпод полы. Он ушел через час, уехав домой. Сокурсники остались дальше поглощать пенный напиток. Позже

один из них свои слова повторил в глаза друзьям красавицы, они не отреагировали, он все равно устроил драку. Через три месяца он женился на ней. Еще одну чаровницу Парфенов встретил на вокзале в Бологое. Он был проездом, пересаживался на московский поезд, она сидела в зале ожидания. Он ее видел не больше пятнадцати минут. Поезд его увез в Москву, она осталась сидеть на вокзале. И больше Парфенова никто сильно не очаровывал.

Красавица прошла мимо Николая метров тридцать, вернулась обратно и встала недалеко, ожидая электричку. Парфенов воспринял это как сигнал. Поздно, девушка одна, он — высокий и большой, и самое главное — выглядит прилично. Зашли они в одну дверь, вагон был пустой, он неожиданно для самого себя сел рядом с ней. К тому времени он еще не был смел в поступках, но уже был отчаянный в речах. Николай всю дорогу блистал красноречием, она отвечала короткими предложениями. Девушка, оказалась, с ним с одного города, но теперь она работала на швейной фабрике в областном центре и жила в общежитии. Каждые выходные она навещала родителей. По приезду Парфенов проводил ее до самого дома. Договориться о свидании ему не удалось. С этого времени Николай по пятницам встречал вечерние электрички, иногда удачно, но отношения не клеились. Удавалось максимум проводить девушку до дома. Узнав от нее, что она любит клубнику, он принес ей клубничное варенье. Дарил духи «Тет-а-тет», которые доставал через знакомых, по тем временам — шик советской парфюмерии. В такие минуты он был похож на верного пса, но хозяйке было не до него. Совсем грубо не отталкивала, но и не приближала, держала на почтительном расстоянии. Так продолжалось до осени. Николай окончил институт и ушел служить в армию. Со службы написал пару писем на адрес ее родителей, ответ так и не получил. После армии, как приехал, на второй день зашел к ним домой, дверь открыли другие люди. Он извинился, объяснил, что ошибся адресом. Больше Парфенов с ней так и не встретился. Он всю жизнь в толпе искал знакомый образ и, если встречал женщину, хотя бы отдаленно похожую на нее, у него щемило в груди.

После окончания службы прихожане подходили к батюшке и беседовали с ним. Самым последним подошел Парфенов.

— Я хочу исповедоваться, — сказал он. Батюшка пристально посмотрел на Парфенова. Николай Александрович добавил: — У меня рак. Я готовился, утром ничего не ел.

— Сейчас подойдет другой батюшка, он с вами поговорит.

К другому священнику сначала обратилась Ольга, он отказал ей в исповеди. Парфенова он выслушал, задав единственный вопрос:

— Венчались?

— Нет. Живем в гражданском браке.

— В грехе живете, — изрек священник.

Николай Александрович и не думал, что его причислят к лику святых. Грешен. А кто не грешен? Всю жизнь старался никому не вредить, чем мог, помогал ближним, не требуя от них взаимности. У частных лиц ничего не украл, даже если что-то находил, то пытался вернуть обратно. Правда, на работе и приписывал, и списывал, бывало, и в свой карман. Насколько от этого страдали люди? Однозначно ответить невозможно. В те времена, когда стройматериалы почти нельзя было купить, а легче украсть, к нему обратился молодой человек с просьбой о двух поддонах кирпича. Парень оказался отцом троих детей и глубоко верующим человеком. Без оплаты он отказался забирать кирпич, тогда Парфенов придумал историю, мол, по заявлению многодетным семьям могут решить выдать кирпич бесплатно. Многолетний отец под диктовку написал заявление. Два поддона кирпича молодой человек увез к себе домой, написанная бумага была отправлена в урну.

Николай Александрович, несмотря на свое крепкое сложение, никого никогда не ударил, правда, в мыслях случалось, что желал людям неприятностей и даже смерти. Сейчас ему было страшно за свои такие помыслы, и он в этом искренне каялся. Случай выпал, мог убить человека, но Бог уберег его от такого греха. После окончания института Парфенова призвали в армию, а так как у него было высшее образование, то он служил один год сержантом. Служба шла к концу, Николай в ту ночь был в наряде начальником караула. Один из часовых по связи доложил, что слышит шаги на охраняемой территории. Николай, согласно уставу, сообщил дежурному по части, а сам с двумя караульными отбыл на пост. Выслушав еще раз доклад часового, он с подчиненными пошел обходить территорию. Николай шел в центре, светя фонариком влево и вправо, а два солдата по бокам. Свет от фонарика скользил по кустам, в один момент оттуда, как заяц, которого спугнули, сиганул широкоплечий человек в бушлате. Парфенов крикнул: «Стоять! Стрелять буду!» Убегающий не остановился. Тогда он скомандовал подчиненным: «Стрелять вверх!» Те выстрелили, но человек в бушлате опять не остановился. После этого он приказал: «Стрелять на поражение!» Один из солдат опустил карабин вниз, так и не пальнув, другой отвернул голову в сторону, выпустил пулю куда попало. Николай сам не мог стрелять, у него пистолет был на предохранителе, а передернуть не давала рука с фонариком. Если бы патрон был в патроннике, он точно бы застрелил нарушителя. Утром, когда закончились все разборательства, лежа на топчане в караульном помещении, Николай кайфовал. Пришло осознание, что он не взял грех на душу, не лишил жизни человека. Ему не было никогда так хорошо.

Николай Александрович не понял, произошла исповедь или нет, но домой возвращался уже не с таким тяжелым сердцем. Следующий раз он пойдет уже в другую церковь и будет посещать ее постоянно. На один день Парфенов вышел на работу. Уничтожил все лишние бумаги и дал указания по незаконченным делам.

Середина декабря. На носу Новый год, народ уже начинает праздновать, все питейные заведения страны забыты людьми. Проходят корпоративные вечера, и так будет каждый день до первого января. Далее каникулы, и не только у школьников. Получалось, никто не собирался работать в ближайшие полтора месяца. А для Николая Александровича был каждый час дорог. В онкологическом диспансере его могли прооперировать в лучшем случае только в середине января. Через знакомых он договорился на платной основе о проведении срочной операции в одном из институтов областного центра, в котором одновременно и лечили, и занимались научными изысканиями. Еще, оказалось, брали «левую» работенку.

На красивой деревянной двери доктора было написано: «Врач онколог-маммолог, к.м.н. Трунькин Николай Дмитриевич». Рядом с дверью стояли две девушки неопределенного возраста. Парфенов спросил: «Вы к Трунькину?» Они с гордостью хором ответили: «Да». Дождавшись своей очереди, Николай Александрович зашел к врачу, тот, изучив его анализы, произнес:

— Операция будет стоить тысячу долларов, оплатить можно в рублях.

— Хорошо. Деньги у меня с собой. Я сегодня готов лечь.

Забрав оговоренную сумму, Николай Дмитриевич, как бы извиняясь, пояснил:

— Рынок пластики груди на данный момент просел, вот перед вами последние две опоздавшие пташки залетали. Два месяца назад наплыв таких пациенток был, сейчас они привыкают к своим новым формам и одновременно в местных бутиках платья с глубоким декольте выбирают. Новый год, все ждут чудо, дети подарка под елкой, мужчины денежную и непыльную работу, а женщины большую и светлую любовь. Теперь ближе к лету планируем новую партию жаждущих радикальных перемен в жизни. А сейчас у нас ставка на онкологических больных.

Операцию назначили на следующий день, а до этого он сдавал анализы. До пятидесяти пяти лет Николай Александрович избегал хирургического вмешательства в свой организм, теперь эта участь настигла его. Накануне вечером ему сделали клизму, а утром оставили без завтрака. Около десяти часов за ним пришла медсестра и повела его в операционную. На входе он разделся догола и лег на стол. Вокруг него суетились люди в белых халатах, одна медсестра пыталась неподвижно зафиксировать больную руку для операции, другую руку готовили, чтобы ввести в нее наркоз. С этого момента Николай Александрович уже ничего не помнил. Очнулся он в палате, когда его перекладывали с каталки на койку. Сознание и речь были нечеткие, но он первым делом позвонил Ольге и заплетающимся языком сообщил, что все закончилось. Через некоторое время пришел Трунькин, Парфенов более-менее связанно мог уже говорить.

— Как у меня дела? — задал он вопрос.

— Все хорошо. Я по максимуму вырезал, болячка, похоже, никуда еще не пошла.

— Большое спасибо, большое спасибо, — несколько раз повторил Николай Александрович.

— Швы вам снимать не надо, нитки специальные, сами рассосутся. Полежите пару дней, и мы вас выпишем из больницы. После праздников подъедете к нам, там будут готовы анализы и будет ясно, что с вами дальше делать, — вынес свой вердикт Трунькин, после чего дружески пожал Парфенову здоровую руку и удалился.

Новый год Николай Александрович встречал дома. В эти дни приходила дочь с внучкой, с женой он ходил к родителям, обменялись подарками. На душе немного отлегло, он уже мог радоваться. Дочь пришла с выпеченным тортом, внучка преподнесла коллаж, оформленный на компьютере и распечатанный на цветном принтере на новогоднюю тему со своей фотографией. Дедушка с бабушкой подарили внучке новый смартфон, та счастливая сразу подбежала к матери, хвастаясь телефоном. Николай Александрович впервые за последнее время улыбался. Ему было приятно, когда Ольга отдавала дочери деньги со словами: «Это от нас с папой». А та, смутившись, спросила: «Вы себе хоть оставили?» «Оставили, оставили», — заверила Ольга. Старикам они подарили большие махровые полотенца, завернутые в цветную бумагу и обвязанные красивой лентой. Мать с отцом растрогались и пустили слезу. «Мы до следующего Нового года наверно не доживем», — сказала мать. «Что ты, мама! — произнес Парфенов. — Обязательно доживете». Николай Александрович не мог им сказать, что, может, для него, а не для них этот Новый год последний, и он пытается остаться в памяти любящим, нежным, чутким.

После праздников Парфенов переступал порог института с тревогой и надеждой. Около дверей Трунькина в этот раз не толпились девицы без возраста. Сидел мужчина чуть за шестьдесят с серого цвета лицом и отрешенным взглядом в сопровождении молодой женщины, по всей видимости, его дочери. Дверь приоткрылась, на пороге показалась дама, из глубины кабинета вылетел обрывок фразы Трунькина: «Десять лет было все хорошо. Не знаю, почему так получилось». Дама побрела восвояси. Мужчина с серым лицом остался сидеть, к врачу зашла его дочь. Дверь была плохо закрыта, женщину не было слышно, по всей видимости, из-за тихого голоса, доносились только отдельные фразы доктора: «Вы хотите ехать в Израиль? ... Знаете, сколько их возвращается оттуда сюда умирать? ... У вас есть лишняя однокомнатная квартира? ... Да, да, это столько стоит у нас, у них еще дороже!.. А как вы хотели!» Вышла женщина. «Папа, пойдем», — обратилась она к мужчине с серого цвета лицом, помогла ему подняться со стула, взяла его под руку, и они пошли на выход.

Парфенов с замиранием сердца зашел к врачу. Николай Дмитриевич, взглянув на него исподлобья, спросил:

— Напомните фамилию?

— Парфенов.

Доктор, порывшись в ворохе бумаг, отыскав нужный листок, посмотрев в него, произнес:

— Я вас обрадую, у вас все чисто. Живите, радуйтесь жизни. Я вам закрываю больничный.

— А как же меланомы? — задал вопрос Николай Александрович.

— Получается, ее полностью удалили еще при первой операции.

— Что мне дальше делать? Какие рекомендации? — поинтересовался Николай Александрович.

— Раз в три месяца будете показываться мне вот по этому адресу, — Трунькин подал визитку, после чего продолжил: — Вы — здоровый человек, никаких ограничений.

Парфенов шел по улице, пока не совсем осознавая, что с ним сейчас произошло. Он надеялся на это, но не мог спрогнозировать эмоции. Бурных чувств радости не было. Теперь, как вытщенный продукт из морозилки, еще долго Николай Александрович будет оттаивать, приводя свое мировосприятие к ощущениям до постановки страшного диагноза.

Парфенов раз в квартал приезжал к Трунькину по оговоренному адресу. Кабинет находился в помещении бывшей швейной фабрики, той фабрики, на которой работала больше тридцати лет назад девушка, отвергшая его ухаживания. Шведы давно покинули эти стены, теперь здесь располагались различные офисы. Он раздевался до пояса, доктор рассматривал его тело с помощью лупы. Николай Александрович платил деньги за прием, еще каждый раз Трунькин предлагал приобрести биоактивные добавки, стоящие несколько тысяч рублей. Парфенов покупал их. Уже дома, читая инструкцию по применению, он не мог найти в описании связь данного средства с его болезнью. Один раз Николай Дмитриевич отправил его к врачу диетологу. Прием длился пять минут, тот выдал ему бумажку с примерным меню на неделю и взял тысяча семьсот рублей. Так продолжалось больше года, в начале апреля при очередном разглядывании с помощью лупы тела Парфенова, Трунькин указав на прооперированное плечо, изрек:

— Вот эта родинка мне не нравится.

— Что надо делать? — спросил Николай Александрович.

— Надо ее удалить лазером. Сейчас у меня пластика целыми днями, к концу месяца будет свободнее, подъедете в институт, там все вам и сделаем.

6.

В последних числах апреля Парфенов приехал в институт. Накануне ночью ему приснился сон, что он находится в помещении, кругом нечистоты, и он прыгает через эти испражнения. А за неделю до этого Николай Александрович был в церкви, при чтении «Отче наш» забыл текст, несколько минут не мог вспомнить молитву. Вот на таком фоне знаков свыше с плохим предчувствием Парфенов зашел в кабинет к Трунькину. Тот, осмотрев плечо, сказал: «Сегодня я не буду удалять родинку, возьму только анализ». Соскоблив верхний слой родинки на стеклышко, упаковав в пакетик, написав сопроводительную бумажку и отдав все это Парфенову, Трунькин произнес:

— Отнесите в лабораторию, скажите от меня, заплатите пятьсот рублей лаборанту. Через два дня позвоните сюда, я к тому времени заберу результат.

— А сегодня нельзя? — умоляюще спросил Парфенов, поняв, что болезнь вернулась.

— Договаривайтесь с лаборантом.

В лаборатории Николаю Александровичу пообещали сделать анализ в течение тридцати минут. Он вышел на улицу и пошел по тротуару вдоль домов, умоляя Бога, чтобы у него все было хорошо. Через полчаса он вернулся. Видя с каким видом лаборант отдавала ему бумажку с результатом, Парфенов понял, чудо не произошло. Меланомы — стоял диагноз. Николай Александрович быстрым шагом направился обратно к Трунькину, осознавая, что механизм быстрого распространения болезни запущен. «Плохая» родинка может о себе не давать знать годами, если ее не тревожить. А вдруг ее скovyрнули, содрали, то до летального исхода срок от нескольких дней до пары месяцев. Об этом много прочитал Парфенов за это время. Опять отчаяние и страх вернулись к нему, неожиданно возникло желание выскочить из своего тела и сбросить с себя большую кожу. И он это так все четко представил — сдувается оболочка, словно прохудившаяся надувная игрушка, сознание отлетает в сторону свободное от болезней, появляется чувство необычайной легкости и неуязвимости.

Трунькина уже не было в кабинете, Парфенов нашел его на бывшей швейной фабрике. Николай Дмитриевич, посмотрев на бумажку с результатом анализа, изрек:

— Рецидив.

— Что мне делать? — спросил Николай Александрович.

— Сейчас вам надо пройти томографию, потом оперироваться.

После этого Трунькин стал звонить в институт и выяснять, когда они смогут принять Парфенова на операцию. На две ближайшие недели мест не было. Николай Александрович вспомнил о своем коте Ваське. Как-то, возвращаясь вечером домой, он увидел около двери квартиры сидящего пушистого серого комочка и тихонько мяукающего. Парфенов аккуратно отодвинул ногой его в сторону, а сам стал открывать дверь. Котенок приблизился к Николаю Александровичу и принялся тереться об его ботинок, мешая Парфенову попасть внутрь. Он опять отодвинул его ногой, тот снова прижался к ботинку, поднял мордочку кверху и жа-

лостливо промяукал, смотря умоляющим взглядом на Николая Александровича. Парфенов взял пальцами за загривок серый комочек и внимательно рассмотрел его. «Кот», — сделал он вывод и вернул котенка обратно на пол. Парфенов приоткрыл дверь и произнес: «Заходи». Котенок опять поднял голову кверху, вопросительно глядя на Парфенова. «Заходи, заходи», — повторил Николай Александрович, тихонько чикнув ногой котенка внутрь. Кот Васька прожил с ними пятнадцать лет, провожал и встречал с работы Николай Александровича, спал в ногах, в общем — был членом семьи. Когда он занемог, Парфенов отправился с ним в ветлечебницу. Ветеринар, осмотрев животное, произнес: «Не мучайте кота, усыпите его». Николай Александрович сразу не согласился, но через два дня, убедившись, что лечение не помогает, привез кота обратно. Парфенов держал животное, а ветеринар делал укол. Кот даже не сопротивлялся, доверяя хозяину. Через несколько секунд он понял, что это его смерть, и так жалостливо и вопросительно взглянул на Парфенова: «Я тебе верил, почему ты так?» Пока кот уходил в небытие, он все продолжал смотреть на хозяина угасающим взглядом. Тело его слабело, пока совсем не перестало подавать признаков жизни. Николай Александрович завернул кота в приготовленную тряпицу и отвез за город, где и закопал. В этот вечер он выпил бутылку коньяка и мертвецки пьяный, не сняв футболку и трико, рухнул на постель. Утром Парфенов с тяжелым сердцем прибрал с глаз кошачьи чашки и лоток, коря себя, что не дал коту умереть своей смертью, вмешавшись в естественный ход бытия, взяв на себя функцию, определять жить дальше, пусть даже мучаясь, или не жить кому-то.

У каждого практикующего врача есть свое кладбище. В идеале они всегда должны спасать жизнь человеку, но, случается, и закапывают. Это происходит от непрофессионализма, а чаще от равнодушия. Парфенов понял, как говорил в таких случаях его знакомый, местный бизнесмен Дима, Трунькину он — по большому африканскому барабану. В этот день Николай Александрович, переплатив за срочность, прошел томографию и получил результат. Метастаз пока не было, но лимфатический узел ближайший от «плохой» родинки незначительно увеличен. На следующий день он был на приеме в «Радиологическом центре», там его на лечение не взяли, отправив в областной онкологический диспансер.

7.

Парфенов еще раз проштудировал Интернет по своей проблеме, разослал запросы с надеждой на помощь во все ведущие онкологические центры страны и Израиль. Позвонили только с земли обетованной. Девушка, представившаяся врачом, без акцента, только с незначительной картавостью подробно расспросила, какая проведена диагностика в России. На основании этих данных объяснила, что надо будет делать в Израиле, и сколько это будет стоить. Николай Александрович денег мог наскрести на дорогу и на обследование за границей, на лечение уже ничего не оставалось. Ехать туда с таким раскладом не имело смысла. Согласно полученной информации из Интернета, кошелек ему позволял в лучшем случае надеяться на хорошего местного врача в приличной частной клинике. Ориентируясь на отзывы пациентов, выбрал доктора медицинских наук Николаева Сергея Даниловича. Через пару дней Николай Александрович общался с врачом, и на ближайшую субботу была назначена операция.

Парфенов лег в больницу накануне вечером в пятницу, все было комфортно, но он уже сразу возненавидел это заведение. Если бы Николай Александрович оказался здесь с насморком, то, скорее всего, были бы самые положительные эмоции. Для него онкология теперь напрямую ассоциировалась с этой больницей. Парфенова определили в палату с плотно зашторенными окнами. До операции ему утром планировали ввести лекарство, после которого нельзя смотреть на свет. Для этой цели ему еще наденут темные очки. Данный препарат будет растекаться по организму, помечая плохие клетки, а во время операции пораженный участок врач обработает пучком лазера. В идеале должны погибнуть все раковые клетки, которые не вырезал хирург. Такое лечение называется фотодинамической терапией.

Утром к нему пришел кардиолог. По окончании обследования он вынес вердикт: «У меня по вам противопоказаний нет». После с ним пообщался анестезиолог, рассказал о наркозе: «Наркоз английский, щадящий, будет поступать через органы дыхания порциями. Как хирург даст команду, что он заканчивает, я его отключу». Перед самой операцией пришел уже Николаев, осмотрел Парфенова, провел пальпацию под мышкой.

— Очень здоровый лимфатический узел, — произнес доктор.

— Сильно большой? — переспросил Николай Александрович.

— На ощупь в пределах пяти сантиметров. А полторы недели назад, согласно данным томографии, был меньше одного.

Обратив внимание на нательный крестик пациента, Николаев сказал:

— Если вам с крестиком будет спокойнее, можете его не снимать.

— Спасибо, — поблагодарил Парфенов.

Вид у Николая Александровича был подавленный, доктор еще добавил:

— Не убивайтесь так, на операциях у меня не умирают.

— Я за операцию и не боюсь, меня пугает дальнейшая моя судьба.

В воскресенье Парфенов выписался из больницы. У него под мышкой был вставлен катетер. Врач показал, как освобождать емкость от стекающей жидкости, назначил уколы. Еще объяснил Николаю Александровичу, что из клеток опухоли приготовят индивидуальную вакцину от рака, которой также будут его лечить. В завершении всего Николаев произнес: «Для начала наша с вами задача прожить хотя бы один год». Лечение

оказалось недешевым, а еще и болезненным. После уколов поднималась высокая температура, все тело трясло и знобило. И это предстояло делать в течение года. Через месяц ему закрыли больничный. Врач предложил оформить инвалидность.

— На что я буду лечиться?! — испуганно воскликнул Парфенов.

— Многие так поступают, до самого конца не смиряются,— произнес Николаев, похоже ожидавший такой ответ.

Силы капля по капле покидали Николая Александровича. Стало не то что трудно ходить, а было даже тяжело говорить. Если бы возникла необходимость крикнуть, он бы не смог этого сделать. Работу не бросал, хотя все делал через силу. Старался, чтобы никто не заметил его слабость, и даже относился к обязанностям щепетильнее, чем ранее. Боялся оказаться не у дел. Одновременно продолжал лечиться. Ездил в областной центр на вакцинацию и фотодинамику, а по вечерам на дому делал уколы. Близкую кончину воспринимал уже как неизбежность. Научился радоваться каждому прожитому дню. Утром проснулся — подарок судьбы, подошел вечер, ничего не случилось — счастье. Терпимее стал относиться ко всему. На дороге кто-то подрезал, нагло вклинился между машинами, пропускал такой автомобиль, даже не осуждал водителя. Кто-то нахамил, не вступал в полемику, просто отходил в сторону. Ни отчего не раздражался. В квартире организовал место, где читал молитвы. Появились мысли: «Что лучше, неизвестность после смерти или суд Божий?» И то, и другое пугало. Хотелось бессмертия для души, но не всем обещано благоденствие в Царстве Небесном. Как оценят его дела земные? Какое место ему уготовано в загробном мире? Может, лучше пустота? Смерть и после нее ничего нет — лучший исход? Но вера разрушала сомнения — суд будет.

Парфенов исключил из рациона свинину, молоко, белый хлеб, сахар, то, что нельзя для больных раком. Тем не менее, ел много, больше, чем до болезни, а каждый день, вставая на весы, не добирал граммы. За это время он похудел на пятнадцать килограмм. В один из дней утром Николай Александрович подошел к зеркалу, увидел отражение осунувшегося, с пепельного цвета лицом, значительно старше шестидесяти лет человека. «У меня все будет хорошо»,— сказал он своему отражению и выдохнул всеми силами легких воздух из себя, представляя, как с выдыхаемым воздухом уходит болезнь. Вечером, вставая на весы, он впервые зафиксировал стабилизацию веса. С этого дня по чуть-чуть дела стали идти на поправку.

Через три месяца Парфенов проходил УЗИ. Под мышкой врач обнаружил три увеличенных лимфатических узла. Опять история вернулась на круги своя, немного отпустило, и снова эмоциональное потрясение. Повторная операция, та же палата, те же врачи. Ночью перед операцией приснился сон. Три змеинных яйца, и Парфенов давит их палкой — все змеинные зародыши уничтожены. Вечером после операции Николаев пришел в палату к Николаю Александровичу возбужденный. «Лимфатические узлы были, как вареные, думаю, я вас на сей раз избавил от болезни»,— произнес он. Слова доктора очень приободрили больного. Через несколько дней Парфенов был уже дома, позвонили из больницы. Он услышал радостный голос Николаева:

— Николай Александрович, сегодня получили вашу гистологию, меланомы не обнаружена.

— Спасибо, большое спасибо,— еще не совсем хорошо понимая, что это для него значит, поблагодарил Парфенов.

Полгода, каждый месяц Николай Александрович приезжал на прием к Николаеву на осмотр и вакцинацию. Осмотр заключался в пальпации лимфатических узлов пациента. «Ничего не нахожу. Но чтобы полностью быть уверенным, что болезнь отступила, вам надо пройти позитронно-эмиссионную томографию в соседнем областном центре. У нас такого в городе оборудования нет. Это самый точный метод диагностики рака»,— сообщил Николаев на очередном приеме. Парфенов съездил на поезде в соседний регион, прошел обследование и получил результат: «Очагов патологической активности, характерной для злокачественного процесса, в пределах разрешающей способности аппарата не выявлено». Читая привезенную бумагу, Николаев произнес: «И последнее, что мы можем сделать — это провести иммунологическое исследование реакции крови на опухоль. Так мы узнаем, как работает вакцина, и способен ли организм бороться с раковыми клетками». И тут у Парфенова было все неплохо. На что доктор сказал: «Теперь надо нам с вами прожить пять лет и если все будет хорошо, то будем считать, вы вытянули счастливый билет». Николай Александрович, уходя, про себя повторял: «Слава, Господи! Слава, Господи!»,— осознавая, что произошло чудо.

Вскоре Парфенов, смотря медицинскую телепередачу на одном из центральных каналов, увидел Трунькина. Он в студию привел пожилую женщину с онкологическим заболеванием. Больную нигде не хотели оперировать, а вот Трунькин взялся и сделал операцию, и старушка еще жива. Парфенов все хотел услышать, что женщина полностью исцелена, но такой информации не прозвучало.

P.S. Одни являются инструментом Всевышнего для совершения чуда, а кто не пригоден для этого, тем остается только рассказывать о чудесах.

